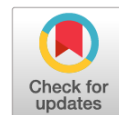

Субъективное отношение к причинению вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ)

Питецкий В. В.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Сибирского федерального университета
E-mail: Pitetski@list.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о субъективном отношении к причинению вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Следует отметить, что в науке уголовного права ему не уделяется должное внимание. Вместе с тем, решение указанной проблемы способствует правильному установлению случаев причинения вреда при отсутствии необходимых субъективных признаков преступления, а также правильной квалификации преступлений в целом.*

На основе формального и содержательного подхода к понятию субъективного отношения и вины в уголовном праве анализируется их соотношение с причинением вреда в уголовном праве, а также обстоятельствами, при которых преступность деяния исключается. Подробно анализируется содержание субъективного отношения в отдельных случаях, предусмотренных уголовным законом (гл. 8 УК РФ). Выделяются ситуации, когда психическое отношение к наступившим последствиям такое же, как и в любом ином акте правомерного поведения. К ним относятся необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость. Обосновывается вариант, когда субъективное отношение к причиненному вреду вообще отсутствует в связи с отсутствием объективных признаков деяния или опосредованного характера причинения: физическое принуждение, исполнение обязательного приказа или распоряжения. Делается вывод о том, что при обоснованном риске проявляются лишь формальные признаки неосторожной вины, однако отсутствуют содержательные, которые свидетельствовали бы о наличии у лица отрицательного субъективного отношения. Результаты проведенного исследования могут иметь важное значение для правильного применения уголовного закона в данной сфере.

***Ключевые слова:** уголовное право, обстоятельства, исключающие преступность деяния, вина, субъективная сторона преступления.*

Законодательное определение всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, в гл. 8 УК РФ начинается со слов: «Не является преступлением...». В связи с этим возникает вопрос: какое отношение имеют к уголовному праву деяния, не являющиеся преступлениями? В науке уголовного права довольно распространенным является утверждение о том, что такие деяния формально подпадают под признаки отдельных преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ¹. Для такого утверждения некоторые основания имеются. Однако представляется, что оно является не в полной мере корректным. Действительно, при всех обстоятельствах, указанных в гл. 8 УК РФ, причиняется существенный вред отношениям, охраняемым уголовным законом. Во многих случаях он может быть весьма серьезным. Этот

вред причиняется деянием (действием или бездействием) лица, отвечающего признакам субъекта преступления (вменяемость, достижение возраста уголовной ответственности). Обязательным формальным признаком преступления должно быть наличие вины к причиненному вреду. Вот именно этому признаку применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в науке уголовного права было уделено недостаточное внимание.

Вред при указанных обстоятельствах является результатом определенного поведения человека. У лица, причиняющего вред, должно быть какое-то субъективное (психологическое) отношение к своему поведению и факту наступления такого вреда. Можно ли применительно к указанным обстоятельствам оперировать такими понятиями как вина, умысел, неосторожность, мотив и цель? Для ответа на этот вопрос предельно выделим две группы обстоятельств, исключающих преступность деяния. В первую

¹ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. С. 300.

группу следует отнести те из них, при которых лицо причиняет вред вполне осознанно. Это необходимая оборона, крайняя необходимость, психическое принуждение (как ее специальная разновидность) и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Во вторую группу входят физическое принуждение, при котором лицо утрачивает способность руководить своим поведением, обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения.

Можно ли применительно к обстоятельствам первой группы говорить о том, что вред причиняется виновно, а если более конкретно — умышленно? Например, человек в ситуации угрозы его жизни или жизни других людей сознательно лишает жизни нападающего. Работник полиции при задержании опасного преступника производит в него прицельные выстрелы и осознанно причиняет вред его здоровью. Лицо вполне сознательно может причинить вред и в ситуации крайней необходимости². Полагаем, что к указанным обстоятельствам причинения вреда применять понятия вины и умысла недопустимо. Под виной в уголовном праве понимается *отрицательное* отношение лица к охраняемым уголовным правом социальным ценностям, выразившееся в совершении умышленного или неосторожного *преступления*³. Умысел и неосторожность также являются уголовно-правовыми понятиями. Поскольку закон прямо указывает на то, что причинение вреда при всех рассматриваемых обстоятельствах преступлением не является, то из этого следует логический вывод — причинение такого вреда является результатом правомерного поведения. Можно ли применительно к правомерному поведению употреблять понятия умысла и неосторожности? Полагаем, что нет. Этот вывод основывается на том, что в теории субъективного отношения лица к своему поведению следует выделять его психологический и правовой аспекты. Любому человеческому поведению (как правомерному, так и противоправному) сопутствуют единые психологические компоненты: осознание своего поведения, предвидение его результатов, их желание или нежелание, мотивы и цели⁴. Различия заключаются в их социальной направленности и правовой оценке.

² Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 191.

³ Уголовное право. Общая часть: Учебник для бакалавров / Отв. Ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 158.

⁴ Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М.: ТК Велби, 2006. С. 24.

Проанализируем две ситуации. В первом случае лицо совершает убийство из чувства мести. Во втором — сознательно лишает жизни преступника, посягнувшего на жизнь либо его самого, либо на жизнь других людей. В психологическом отношении к лишению жизни другого человека в обоих случаях много общего. И в том и в другом случае лицо осознает фактический характер совершаемого им деяния, предвидит наступление смерти другого человека и желает (вариант — сознательно допускает) ее наступление. Казалось бы, что в обоих случаях можно говорить об умышленном лишении жизни другого человека, т.е. об убийстве. На самом деле это не так. В первом случае лицо осознает не только фактический характер совершаемого им деяния, но главное — его общественную опасность и противоправность. Во втором случае лицо общественной опасности своего деяния не осознает, поскольку действует правомерно в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ. Убийство же это всегда противоправное лишение жизни. Поэтому лишение жизни другого человека при правомерной необходимой обороне убийством считать нельзя. Психическое отношение к причиненному вреду в данном случае такое же, как и отношение к последствиям любого иного правомерного поведения. Различаются приведенные ситуации также по мотивам и целям. В случае совершения убийства лицо руководствуется низменными побуждениями. Цель во всех обстоятельствах рассматриваемой группы является общественно полезной. Это защита правоохраняемых интересов личности, общества и государства (при необходимой обороне и крайней необходимости), достижение задач правосудия и пресечения возможности совершения новых преступлений при причинении вреда лицу, совершившему преступление в процессе его задержания⁵.

Субъективное отношение к причинению вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, относящихся ко второй группе, требует отдельного анализа. Одним из таких обстоятельств является причинение вреда в результате физического принуждения, если в результате такого принуждения лицо не могло руководить своим поведением (ч. 1 ст. 40 УК РФ). Например, лицо под воздействием пыток, которые оно не смогло выдержать, выдает государственную либо военную тайну, либо иные сведения, имеющие криминальное значение. В соответствии с уголовно-правовой доктриной в данном случае изначально

⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

отсутствует объективная сторона преступного деяния, в нем не проявилась воля субъекта. Напомним, что в соответствии с указанной доктриной деяние может считаться преступным и наказуемым, если оно было совершено под контролем воли и сознания лица, его совершившего. В качестве примеров отсутствия уголовно-правового деяния обычно приводятся возможные случаи причинения вреда в результате рефлекторных, импульсивных телодвижений. Это положение является общеизвестным и не требует дополнительных доказательств. Из этого можно сделать логический вывод: у лица, каким-либо образом содействовавшего причинению вреда под влиянием физического принуждения, парализовавшего его волю, психическое отношение к наступившему вреду вообще отсутствует, так как нет надлежащих объективных признаков деяния.

Пятым основанием, исключающим преступность деяния, является обоснованный риск, предусмотренный ст. 41 УК РФ. Для выяснения субъективного отношения к причиненному вреду при этом обстоятельстве существенное значение имеют цели поведения субъекта этого обстоятельства, а также социальное предназначение данной нормы. Закон прямо указывает, что лицо при обоснованном риске действует для достижения общественно полезной цели. Это свидетельствует о «благородных устремлениях» субъекта. Вместе с тем одним из главных существенных признаков данного обстоятельства является риск. Не прибегая к ссылкам на компетентные источники, отметим, что это понятие как в бытовом, так и в правовом значении предполагает возможность наступления нежелательных последствий. Применительно к рассматриваемому нами вопросу речь идет о последствиях, имеющих уголовно-правовое значение.

Одним из условий признания риска обоснованным является невозможность достижения поставленной социально полезной цели не связанными с риском действиями (ч. 2 ст. 41 УК РФ). Это условие можно назвать *вынужденностью* совершения рискованных действий. В такой ситуации (вынужденности риска) почти всегда находятся разработчики новой техники (например, летательных аппаратов, подводных лодок), лекарственных препаратов, лица, внедряющие в производство новые технологии, новаторские хирургические операции, и т.п. Изобретение и внедрение нового почти всегда связано с определенным риском. Лица, допускающие рискованные действия, могут при определенных условиях нарушить существующие и, как правило, устаревшие инструкции и иные нормативные предписания, что не должно исключать признания

риска обоснованным⁶. Иной подход к этому вопросу будет противоречить социальному смыслу нормы об обоснованном риске и может свести на нет инициативную, творческую деятельность.

Обязательное условие правомерности обоснованного риска, непосредственно вытекающее из закона, заключается в том, что лицо должно предпринять достаточные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам. В связи с этим возникает вопрос: эти меры должны быть «объективно достаточными» или достаточными с точки зрения «субъекта обоснованного риска»? Верным представляется второй вариант ответа, ибо если бы меры были «объективно достаточными», то вред бы не наступил, эксперимент прошел бы удачно и уголовно-правовые последствия бы не наступили. Однако если они наступили, то следует констатировать наличие ошибки в расчете субъекта. В связи с этим заслуживает внимания также анализ термина «обоснованный» в названии анализируемого обстоятельства. Обоснованный с точки зрения субъекта риска либо в основе его употребления в данном случае лежат иные причины? Если в результате рискованных действий вред все-таки наступил, то расчет его субъекта обоснованным признавать нельзя. Это характерно для вины в виде легкомыслия. В данном случае имеют место все ее формальные законодательные признаки.

Термин «обоснованный» в ст. 41 УК РФ имеет не психологическое, а уголовно-политическое значение, лежащее в основе ее социального предназначения. Данная норма, являясь по своей сути одной из поощрительных, дает соответствующие гарантии от уголовного преследования лиц, способных и стремящихся к новаторской, творческой деятельности. При этом государство и общество «прощает» этим лицам неосторожную вину по отношению к фактически наступившим последствиям. По этим же основаниям в анализируемой норме не содержится обязательного требования о соотношении величины причиненного в результате рискованных действий вреда и социальной значимости того полезного результата, который ожидали экспериментаторы.

Последним обстоятельством, исключающим преступность деяния, является исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Как и при всех рассматриваемых обстоятельствах, в данном случае также причиняется вред, имеющий уголовно-правовое значение. Имеется ли и в чем выражается субъективное отношение

⁶ Захарова С. С. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: Дисс. ...канд. юр. наук. Рязань, 2005. С. 15.

лица, причинившего такой вред при исполнении приказов или распоряжений? Ответ на этот вопрос возможен в сочетании с анализом других положений, закрепленных в ст. 42 УК РФ. Во-первых, приказ для лица должен быть для него обязательным (ч. 1 ст. 42 УК РФ), во-вторых, неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность (ч. 2 ст. 42 УК РФ). Из этого логически следует, что лицо, осознающее незаконность полученного им приказа (распоряжения), не должно его выполнять, а если точнее, — обязано его не выполнять. Если лицо его выполняет, то оно не может претендовать на полное отсутствие оснований привлечения его к уголовной ответственности

При осознании лицом незаконности полученного им приказа возможно несколько вариантов правовых последствий его исполнения. Самый простой из них — это когда подчиненный, осознавая незаконность полученного приказа, совершает деяние, подпадающее под признаки умышленного преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 42 УК РФ лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Этот вариант легко разрешается по правилам о соучастии в преступлении. Например, полицейский начальник дает указание оперативному работнику задержать некоего гражданина К. и доставить его в полицию. При этом он «доверительно» сообщает этому работнику, что гражданин К. сожительствует с его женой и его следует «примерно наказать». В случае выполнения такого распоряжения оперативным работником ст. 42 УК РФ применяться не должна. Начальник и оперативный работник должны нести уголовную ответственность по ст. 301 УК РФ как соучастники. Если оперативный работник сомневался в законности отданного ему распоряжения и выполнил его, то его уголовная ответственность по ст. 301 УК РФ исключается, поскольку данная статья предполагает только прямой умысел. Статья 42 УК РФ в данном случае применяться не должна, поскольку в действиях оперативного работника при наличии всех других формальных признаков ст. 301 УК РФ отсутствует вина в форме умысла. Это и является в данном случае основанием для непривлечения этого сотрудника к уголовной ответственности. Применение ст. 42 УК РФ в данном случае излишне.

Более сложным представляется вариант, когда подчиненный во исполнение незаконного для него приказа совершает неосторожное преступление. Примечательным в этом отношении является уголовное дело, приведенное А.А. Пионтковским. Техник-лейтенант С.

отдал приказ своему подчиненному Ч. взять из гаража машину и поехать с ним, зная, что Ч. не имеет права водить машину. При объезде впереди стоявшей машины Ч. врезался в нее правым бортом, в результате чего погиб один из людей, находившихся в кузове машины, которой он управлял. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27.02.1948 признал оправдание Ч. обоснованным, поскольку он выполнял приказ начальника⁷. Здесь уместно отметить, что такое правовое решение Пленум Верховного Суда СССР принимал в тот период, когда нормы об исполнении приказа или распоряжения в уголовном законодательстве не существовало.

Представляется, что в условиях действующего УК решение должно быть иным. Военнослужащий Ч., получив явно незаконный приказ, просто не должен был его исполнять, не опасаясь уголовной ответственности за это. Об этом прямо сказано в ч. 2 ст. 42 УК РФ. Если же он его выполнил и совершил неосторожное преступление, то каких-то реабилитирующих оснований для непривлечения его к уголовной ответственности по ст. 350 УК РФ не усматривается. Его начальник должен нести уголовную ответственность по соответствующей статье за должностное преступление.

Из изложенного выше логически вытекает следующий вывод: ст. 42 УК РФ должна применяться лишь тогда, когда подчиненный, причинивший уголовно значимый вред, не осознавал, не должен был или не мог осознавать незаконности полученного им приказа или распоряжения. В этом случае должно быть констатировано отсутствие какого-либо субъективного отношения к фактически наступившим последствиям исполнения этого приказа. Так, если в вышеприведенном примере с полицейским начальником и оперативным работником последний не сомневался в законности полученного им распоряжения по задержанию К., то какого-либо субъективного отношения к фактически причиненному потерпевшему вреду не усматривается. В таком случае следует констатировать один из вариантов посредственного причинения вреда, предусмотренного ч. 2 ст. 33 УК РФ. То есть полицейского начальника следует признать исполнителем данного преступления. Изложенное позволяет сделать следующие выводы по проблеме, поставленной в заголовке данной статьи.

1. При причинении вреда в состоянии необходимой обороны, при задержании преступника, при крайней необходимости применять такие уголовно правовые понятия к причиненному

⁷ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1961. С. 479.

вреда как вина, умысел, неосторожность неверно. Психическое отношение к наступившим последствиям в приведенных случаях такое же, как и в любом ином акте правомерного поведения.

2. При причинении вреда под влиянием физического принуждения, исключающем возможность лица руководить своим поведением (ч. 1 ст. 40 УК РФ) субъективное отношение к причиненному вреду вообще отсутствует в связи с отсутствием объективных признаков деяния. Устанавливать субъективные признаки в таких случаях лишено смысла.

3. При обоснованном риске следует констатировать формальные признаки неосторожной вины, поскольку расчет субъекта при наступлении вреда оказался фактически необоснованным.

4. При исполнении лицом законного и обязательного для него приказа или распоряжения его субъективное отношение к причиненному вреду также отсутствует. Эта ситуация подпадает под понятие *опосредованного причинения вреда* и урегулирована нормами о соучастии в преступлении и ст. 28 УК РФ о невиновном причинении вреда. В случае причинения вреда

подчиненным во исполнение незаконного приказа или распоряжения ст. 42 УК РФ применяться не должна, а вопрос об его ответственности или ее отсутствии решается по другим основаниям, указанным выше.

Список литературы

1. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дисс. ... канд. юр. наук. Рязань, 1999.
2. Захарова С.С. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: Дисс. ... канд. юр. наук. Рязань, 2005.
3. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1961.
4. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие. М.: ТК Велби, 2006.
5. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996.
6. Уголовное право. Общая часть: Учебник для бакалавров / Отв. ред. А.Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

Subjective Attitude to the Injury under Circumstances Precluding the Criminality of the Act (Chapter 8 of the Criminal Code of the RF)

Pitetskiy V.V.,

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Siberian Federal University

E-mail: Pitetski@list.ru

Abstract. The article deals with the question of the subjective attitude towards causing harm in circumstances precluding the criminality of the act. In the science of criminal law he is not given due attention. The solution of this problem contributes to the correct determination of the cases of causing harm in the absence of the necessary subjective signs of a crime, as well as the correct qualification of crimes in general.

On the basis of different approaches to the concept of subjective attitude and guilt in criminal law, their correlation with injury in criminal law is analyzed, as well as the circumstances in which the criminality of an act is excluded. Analyzes the contents of subjective attitude in individual cases stipulated by the criminal law (Chapter 8 of the Criminal Code of the RF). There are situations where the mental attitude to the consequences is the same as in any other act of lawful behavior. These include the necessary defense, the detention of the offender, emergency. The case is substantiated when the subjective attitude to the damage caused is generally absent due to the lack of objective signs of the act or the indirect nature of the cause: physical coercion, execution of a mandatory order or instruction. It is concluded that with a reasonable risk only formal signs of reckless guilt appear, but there are no meaningful signs that would indicate that a person has a negative subjective attitude. The results of the study may be important for the correct application of criminal law in this area.

Keywords: criminal law, circumstances precluding the crime of the act, guilt, subjective attitude.

References

1. Vinokurov V.N. Krajnyaya neobkhodimost kak obstoyatelstvo, isklyuchayushee prestupnost deyaniya: Diss. ... kand. yur. nauk. Ryazan, 1999.
2. Zakharova S.S. Obosnovannyj risk v ugovnom prave Rossijskoj Federatsii: Diss. ... kand. yur. nauk. Ryazan, 2005.
3. Piontkovskij A.A. Uchenie o prestuplenii po sovetскому ugovnomu pravu. M.: Yurid. lit., 1961.
4. Rarog A.I. Nastolnaya kniga sudi po kvalifikatsii prestuplenij: prakticheskoe posobie. M.: TK Velbi, 2006.
5. Ugolovnoe pravo Rossii. Obschaya chast: Uchebnik / Otv. red. B.V. Zdravomyslov. M.: Yurist, 1996.
6. Ugolovnoe pravo. Obschaya chast: Uchebnik dlya bakalavrov / Otv. red. A.N. Tarbagaev. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016.